

УДК 281.93 (931)

*Рудникова Е.В.
Rudnikova E.V.*

**Русскоязычные иммигранты
в этнической структуре Новой Зеландии
(по данным новозеландских переписей населения
конца XX – начала XXI вв.)**

**Russian-speaking immigrants in the ethnic structure of New Zealand
(according to New Zealand census of the end of XX – beginning of XXI century)**

Объектом внимания автора является постсоветская иммиграция в Новую Зеландию. Определяется численность и место в современной этнической структуре этой страны русских и русскоговорящих иммигрантов. Характеризуются модели изменения базовой идентичности русскоязычных иммигрантов. Используются данные новозеландских национальных переписей населения за 1991 – 2013 и другие годы.

Ключевые слова: *Новая Зеландия, иммиграция, этничность, русские, постсоветская иммиграция*

The author deals with the immigration flow from Russian Federation and other states of the former USSR to New Zealand. The focus of the article is ethnic origin and quantity of the Russian-speaking immigrants. There is a general description of the migrant's basic identity in terms of ethnicity. The main sources are New Zealand Census of 1991 – 2013 and other years.

Key words: *New Zealand, immigration, ethnicity, Russians, postsoviet immigration*

Миграционная политика. Новая Зеландия на протяжении всей своей истории проводит активную политику по привлечению мигрантов. Поздняя европейская колонизация её территорий и естественная географическая изолированность от остального мира были главными факторами, влиявшими на миграционную политику этого государства в ранний период. Начиная уже с середины XIX в., Новая Зеландия стремилась увеличить численность народонаселения в первую очередь за счёт белых переселенцев, законодательно ограничивая азиатские потоки, особенно китайскую миграцию. В 1987 г. был принят новый Закон об иммиграции, на котором сегодня базируется новозеландская миграционная политика, после чего через несколько лет была введена бальная система отбора иммигрантов со всего мира, независимо от расы и этнической принадлежности. Выбор мигрантов был основан на критериях личных достоинств – профессии, образования, возраста, наличия финансовых средств и т.д. С этого времени количество заявлений на постоянное место жительства в Новой Зеландии резко возросло. Каждый год Министерства труда определяет ежегодную квоту на приём

мигрантов. В среднем, разрешение на иммиграцию получают от 40 до 50 тысяч человек в год. В странах бывшего Советского Союза интерес к Новой Зеландии как к стране возможной эмиграции резко проявился именно после распада СССР, особенно с 1991 по 2001 годы. В 1992 г. вид на постоянное жительство получили первые тридцать восемь человек с постсоветского пространства. В последующие десять лет численный рост русскоязычных иммигрантов увеличился в пять с половиной раз, и они попали в список шести наиболее быстро растущих национальных групп наряду с выходцами из Китая, Индии и других стран.

Современная этническая структура. Численность постоянного населения страны в декабре 2014 г. составила более четырёх с половиной миллионов человек. Если в 2001 г. число родившихся за пределами Новой Зеландии составляло 19,5% от всего населения страны, в 2006 г. – 22,9%, то по данным последней переписи 2013 г. уже 26% от общей численности населения или каждый четвёртый постоянный житель страны родился за рубежом, причём наибольшее количество из них родились в азиатских странах (7%). В два процента родившихся в Европе, не учитывая Великобританию и Ирландию, входят выходцы из России и некоторых стран бывшего СССР [8].

Этническая композиция современной Новой Зеландии очень многообразна. По национальным статданным 2013 г. в число главных пяти этнорасовых групп страны вошли европейцы (74% от всего населения), коренные жители маори (15%), азиаты (12%) и выходцы с тихоокеанских островов (7%). Численный прирост этих групп, по сравнению с 2006 г. составил – 14%, 6%, 33% и 7% соответственно. Пятую группу составили выходцы из стран Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки – на 2013 г. – всего 1% от всего населения, но с самым высоким численным приростом – 35%. Средний возраст в пяти группах составил – 41 год; 23,9 лет; 30,6 лет; 22,1 года; 28,6 лет соответственно [5].

Этническая структура страны меняется год от года. По переписи 1996 г. здесь определялось, помимо европейских новозеландцев и второго статутного этноса – маори, около двухсот этнических групп численностью от двадцати восьми до четырёх тысяч человек. Соответственно, было велико и языковое многообразие: помимо официальных английского, маорийского и новозеландского языка жестов в тот же год было учтено 60 языков, из которых на тридцати трёх языках говорили от одной до десяти тысяч респондентов. Без учёта маори и жителей южно-тихоокеанских островов, самые многочисленные пятьдесят этнических групп составляли в этот год более 8% от всего населения страны (в 1996 г. – 3,6 млн. чел.). Численность этнических групп увеличивалась год от года – в 2013 г. была зафиксирована уже 231 группа. Кроме того, отчетливо меняется «цвет» иммиграционных потоков. Так, за период 2006 – 2013 гг. численный прирост только азиатского потока составил 33%. Основной состав этого потока составляют выходцы из Китая, а также из Индии, Южной Кореи и Японии. В 2013 г. в пятёрку наиболее распространённых языков после английского вошли маорийский, самоанский, хинду, северный китайский, французский и кантонский (юэ) языки [6].

Русскоязычные иммигранты в национальных переписях населения. Главным источником по процессу русскоязычной иммиграции в Новую Зеландию являются национальные переписи населения в этой стране. В большинстве случаев эти данные более точны, чем российские статистические материалы по внешней миграции. Кроме того, в новозеландских переписях содержатся данные об этнической, языковой и конфессиональной принадлежности мигрантов, записанные непосредственно с их слов.

Переписи народонаселения в Новой Зеландии стали проводиться почти сразу после оформления британской юрисдикции над этими далёкими островами в 1840 г. Долгое время этот учёт был нерегулярным и носил выборочный характер. Так, например, первые официальные статистические сборники «The Blue Books»/«Голубые книги» готовились на основе подсчётов городских управ по каждому поселению. Первая масштабная перепись европейского населения страны состоялась в 1851 г. Далее, до 1874 г. подобные переписи проводились раз в три года. С 1881 г. они получили общенациональный характер и стали проводиться, как правило, каждые пять лет. К началу и в период Первой мировой войны было проведено шесть подобных переписей (1881, 1886, 1901, 1906, 1911, 1916). В 1910 г. был организован государственный Департамент статистики, а до этого переписи проводились силами различных ведомств [3].

Особенностью ранних переписей является то, что в них никак не отражалась этническая принадлежность европейских переселенцев. Выходцы из многонациональной Российской империи, исходя из указанного ими места рождения, все обозначались как «русские». Попытки среди массы переселенцев из царской России выделить этнических русских впервые были сделаны в переписях 1874 и 1901 гг.: тогда их насчитали 109 и 387 человек соответственно. В 1951 г. их стало 506 чел., в 1976 – 892, а в 1991 – всего 480 чел. Общая численность русскоговорящих выходцев из Российской империи и Советского Союза до начала последнего десятилетия прошлого века также всегда была невелика.

С началом постсоветского периода и по настоящее время в Новой Зеландии были проведены пять национальных переписей: в 1991, 1996, 2001, 2006 и 2013 годах. Последняя перепись была сдвинута по времени проведения из-за сильного землетрясения в г. Крайстчерче в феврале 2011 г. Полную обработку материалов 2013 г. государственные органы статистики этой страны планируют завершить к июню 2015 г.

Статистические данные национальных переписей последних двух десятилетий представлены в двух вариантах. В первом из них – *Census night population count* (дословно: «перепись ночного населения»), далее – *NPC*) – учитываются все лица, находящиеся в Новой Зеландии на день переписи, включая зарубежных гостей. В то же время не учитываются граждане страны, включая военнослужащих, находящиеся на дату переписи за рубежом. Например, в «ночной» переписи 2006 г. на дату 7 марта были учтены все лица в Новой Зеландии, находящиеся на суше, на судах в новозеландской экономической зоне и на переходах между морскими портами страны. Также – иностранцы, работники дипломатических миссий, иностранные военнослужащие и члены их семей. Таким образом, этот вариант имеет наднациональный характер. Поэтому здесь можно найти совокупные сведения обо всех лицах российского происхождения, включая иммигрантов, туристов, временных работников, студентов и т.п., находившихся в стране на дату проведения переписи.

Во втором варианте – *Census usually resident population count* (дословно: «перепись постоянного населения»), далее – *RPC*) – учитываются только постоянные жители Новой Зеландии, за исключением тех, кто находится на дату переписи за рубежом. Поэтому учитываемая численность русскоговорящих здесь может существенно отличаться от данных NPC. В то же время, данные и этого варианта далеко не точны, поскольку в новозеландских переписях для определения национальности главным фактором является место рождения. Под «национальностью» подразумевается бывшее или настоящее гражданство, а не этническая принадлежность. До 1996 г. в проводимых опросах респондентов просили дать только один ответ на вопрос о том, с каким этносом он себя идентифицирует.

В дальнейшем, этот вопрос стал допускать многозначный ответ, поэтому общее число учтённых в этих переписях 2001, 2006, 2013 гг. этничностей превышает количество выявленных «национальностей». Содержание понятия «этничности» по сути не отличается от её понимания в российской историографии. Этнос определяется как культурно-социальная группа, члены которой имеют общее самоназвание, чувство общего происхождения, имеют общие культурные ценности (религия, обычаи, язык и др.), открыто объявляют об общности своей истории и судьбы, имеют представления о коллективной культурной идентичности и чувство особой коллективной солидарности. Акцент ставится на том, что, прежде всего, этничность есть некое самоощущение, и поэтому люди могут относить себя к более чем одной этнической группе [2].

В силу вышеизложенного, определить точную современную численность русскоязычного населения Новой Зеландии не представляется возможным. Можно говорить только об относительной цифре, учитывающей не только переписные данные, но и экспертные мнения, исходящие от различных исследователей, наблюдателей и самих русскоязычных иммигрантов. В последние десятилетия она стабильно определяется в диапазоне от десяти до пятнадцати тысяч человек.

Таблица 1.
Census 2006: Численность выходцев из стран бывшего СССР по месту рождения (выборка составлена автором по [1])

Место рождения	Численность по RPC	Численность по NPC
1 Молдавия	78	81
2 Беларусь	171	174
3 Эстония	105	144
4 Латвия	261	303
5 Литва	120	144
6 Россия	4581	4839
7 Украина	1152	1302
8 Армения	33	33
9 Азербайджан	54	57
10 Грузия	81	87
11 Казахстан	240	252
12 Киргизстан	45	48
13 Таджикистан	18	21
14 Туркменистан	12	12
15 Узбекистан	138	144
Итого	7089 чел.	7641 чел.

Всего же в RPC 2006 г. было учтено 4 027 947 человек. Численность лиц, рождённых в странах бывшего Советского Союза и постоянно проживающих на момент переписи в Новой Зеландии, составила 7089 чел., что составляет менее 0,2% от учтённой численности постоянного населения этой страны. Представлены выходцы из всех пятнадцати советских республик, причём более половины из них (64,6%) родились в России и чуть более 16% – на Украине.

При выявлении этнической принадлежности постоянного населения страны был учтён 4 501 551 ответ. Как указывалось выше, рас-

хождение с данными по общей численности связаны с формулировкой вопроса по этничности, который подразумевал несколько ответов. Среди 231 этнической группы в целом по стране были выявлены армяне (RPC -198 чел./NPC -207 чел.), белорусы (69/66), эстонцы (108/141), латыши (153/186), литовцы (87/111), русские (4836/5094) и украинцы (672/798).

Интересны выявленные этой же переписью расхождения между численностью выходцев из отдельных стран бывшего СССР и данными по языку, на которых говорили или хорошо их понимали опрошенные респонденты. В этом случае было учтено 4 850 025 ответов и выявлено, что при зафиксированных 4836/5094 (RPC/NPC) чел., рождённых на территории России, на русском языке в целом говорили 7 893 человека. На украинском языке говорили/понимали только 717 чел. из общего количества в 1152/1302 чел. и т.д. Ещё десять лет назад эти цифры выглядели следующим образом: 3 429 человек разговаривали на русском языке и 321 – на украинском [4].

Из приведённых в таблице 1 цифр в 7089/7641 чел. за 2006 г., отражающих официальную оценку численности иммигрантов, рождённых на постсоветском пространстве, следует, что более половины из них являются выходцами из России. При этом, учитывая количество ответов на вопрос об использовании русского языка в межличностном общении и на бытовом уровне, практически все респонденты говорили на русском языке или понимали его. Интересно сопоставить данные в динамике по этническим русским: в 1991 г., например, таковыми себя называли всего 480 чел. (здесь необходимо учитывать предыдущие волны эмиграции); в 1996 г. – уже 2187 чел., а в 2006 г. – 5094 (NPC) чел.

Изменения в базовой этнической идентичности. Прежняя этническая идентичность мигрантов подвергается серьёзным испытаниям в новой культурно-языковой среде. В новозеландской статистике процесс изменения идентичности у иммигрантов соотносится с местом их рождения и временем их постоянного проживания в стране. Все респонденты разделяются на три группы: рождённые в Новой Зеландии, рождённые за рубежом и проживающие в стране более десяти лет, рождённые за рубежом и проживающие здесь меньше десяти лет. Предполагается, что временной отрезок культурно-языковой адаптации в одно десятилетие является достаточным для начала изменений в базовой идентичности. Применительно к ограниченной группе постсоветских русскоязычных иммигрантов в Новой Зеландии эта модель исследовалась Е. Майделл [7]. Изменения в базовой идентичности варьируют от болезненного обострения чувства русскости до сознательного космополитизма. Первый тип изменений характерен, прежде всего, для возрастных иммигрантов, эмигрировавших за своими детьми. Встреча с иной культурой, всегда начинающаяся с феномена культурного шока, для них нередко заканчивается самоизоляцией и идеализацией прошлого опыта. Для этого типа носителей этничности характерно эмоциональное отношение к любым попыткам проникновения в их мир. Известны даже трагические случаи самоубийств среди возрастных иммигрантов, связанные с попыткой проведения новозеландских исследований по теме «русские иммигранты и ностальгия по России» [9].

Обострённая «русскость» присуща, как правило, первому поколению иммигрантов. Их потомки, особенно родившиеся уже за рубежом, пройдя социализацию в англоязычном обществе, могут уже не соотносить себя с русскоязычным населением. По данным 2013 г., например, более половины учтённого населения считают себя «новозеландскими европейцами», а около 170 тыс. человек совсем не ответили на вопрос о своей этнической принадлежности. Биографические рассказы русских иммигрантов подтверждают вывод о том, что изменения в этнической

идентичности тесно коррелируют со временем постоянного проживания бывших россиян в новой стране, их возрастом и результатами социокультурной адаптации в целом.

Среди русскоязычных иммигрантов широко бытуют такие самоназвания как «киворусь», «русские киви», «кивороссь» и т.п. Подобные самоназвания связаны с общенациональным идентификатором «киви», что равнозначно понятию «новозеландец». Русскоговорящие мигранты для обозначения англоязычных жителей страны используют также термин «кивийцы». Этимология этого слова связана с одним из национальных символов страны – реликтовой нелетающей птицей киви, которая обитает только здесь. Этот символ наряду с другими входит в комплекс национально-различительных черт – так называемую «кивиану» – и служит важным средством формирования и поддержания новозеландского общенационального самосознания. Лица, обозначающие себя указанными выше самоназваниями, как правило, являются носителями гибридной идентичности. Как крайний вариант этой модели можно рассматривать сознательный отказ от первой идентичности. Один из постсоветских эмигрантов, например, высказался на эту тему следующим образом: «По складу наше поколение уже гораздо ближе к англосаксам, которые легко перемещались по миру, стремясь к захвату лучших мест под солнцем...мы теперь наполювину уже англосаксы ...». Отказ может выглядеть и как стремление скрыть по разным причинам свою истинную этническую принадлежность.

Русскоязычные иммигранты в межэтническом общении.

Как показывает опыт стран, принимающих мигрантов, рано или поздно перед ними встаёт вопрос о пределах допустимой миграции в связи с проблемой сохранения собственной культуры. Не является исключением и Новая Зеландия. Мультикультурализм как основа внутренней политики в этой стране пока ещё не приводил к заметным межэтническим или межрасовым столкновениям. Однако и здесь можно видеть предвестники возможных конфликтных ситуаций. Например, в больших городах существуют районы с чётко очерченными негласными границами, где предпочитают селиться люди не только разного достатка, но и различной этнической или расовой принадлежности. Существует и заметная дискриминация при приёме на работу новоприбывших по этим же критериям, хотя законодательно это запрещено. Определённая напряжённость по многим вопросам в настоящее время существует в отношениях внутри самого новозеландского общества – между белыми «европейскими» новозеландцами и маорийцами. Последние, например, категорически против притока мигрантов в страну вообще. Белое население, в свою очередь, высказывается против увеличивающегося притока мигрантов из азиатских стран.

Русскоязычные иммигранты, опираясь на личный опыт, в разной степени признают факт наличия расовой и этнической дискриминации в новозеландском обществе. Нередко говорится о «колониальном высокомерии» белых новозеландцев или об отношении к тем, кто ещё не освоил новозеландский английский, как к умственно отсталым. Многих раздражает вопрос «Откуда Вы?», возникающий уже на первой минуте общения с местными жителями, которые так реагируют на акцент собеседника, хотя последний может уже длительное время проживать в стране и тоже считать себя киви. Но в целом, главными факторами успешной адаптации называются всё же не происхождение, а профессиональный опыт и уровень владения английским языком.

Таким образом, в этнической структуре современной Новой Зеландии русскоязычные мигранты в целом и этнические русские в частности по такому параметру, как общая численность, находятся в конце списка

выявленных последней переписью этнических групп. С учётом других источников, максимальная совокупная численность русскоговорящих в этой стране не превышает пятнадцати тысяч человек, что не составляет и полпроцента от общей численности постоянного населения страны. Численность людей, принадлежащих тому или иному этносу, после эмиграции является основополагающим фактором для их консолидации новой стране и появлении возможностей полноценного участия в культурно-языковой жизни общества. Скорее всего, таких возможностей в настоящее время у русскоязычной диаспоры в Новой Зеландии по-прежнему нет. Однако давние традиции русофобии в англоязычном мире и современные геополитические реалии обуславливают значительный интерес к выходцам из России, который намного превосходит их скромное место в этнической композиции этого государства. В этой ситуации, как парадоксально это не звучит, появляются потенциальные возможности через различные объединения русскоговорящей колонии в Новой Зеландии средствами «народной дипломатии» привлечь внимание остального населения к русской истории и к проблеме национальных интересов современной России.

Литература

1. 2006 Census: «Birthplace-census-usually-resident-pop-count-2006», «Birthplace-census-night -pop-count-2006» [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/2006CensusHomePage/classification-counts-tables/about-people.aspx#> (дата обращения: 01.01.2015 г.)
2. 2006 Census: ethnic groups [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/2006CensusHomePage/classification-counts-tables/about-people/ethnic-group.aspx> (дата обращения: 01.01.2015 г.)
3. 2006 Census: history [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/about-2006-census/introduction-to-the-census/history-of-the-census-in-nz.aspx> (дата обращения: 01.01.2015 г.)
4. 2006 Census: languages spoken [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/2006CensusHomePage/classification-counts-tables/about-people/language-spoken.aspx> (дата обращения: 01.01.2015 г.)
5. 2013 Census: culture and identity [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/2013-census/profile-and-summary-reports/infographic-culture-identity.aspx> (дата обращения: 01.01.2015 г.)
6. 2013 Census: languages [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.govt.nz/browse_for_stats/people_and_communities/Language.aspx (дата обращения: 01.01.2015 г.)
7. Maydell E. The making of cosmopolitan selves: the construction of identity of Russian-speaking immigrants in New Zealand. A thesis for degree of Ph.D. in Psychology. Victoria University of Wellington, 2010. 260 p. Manuscript.
8. New Zealand as a village of 100 peoples [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/2013-census/profile-and-summary-reports/2013-census-infographic-nzvillage.aspx> (дата обращения: 01.01.2015 г.)
9. Pennington L. Nostalgia and notion of return and exile among Russian émigrés. Victoria University of Wellington, 2003. 133 p. Manuscript.